

Места и страны

Елена Ковалева

В Волхове

Речка Нугрь дремала под мостом
Песнь весным, качающимся, длинным,
Как оторванным листом
В синеве парило над старинным
Породом, лежащим на холмах.
Льнули к их бокам, сухим и древним,
Чуть живые тихие дома,
И вздымали старые деревья
Кроны к небу – только не достать
До него. Лишь колокольня смело
Возносилась, чтобы верх креста
Мог коснуться высшего предела.
Чтобы колокольным языком
Край небес раскачивать легко.

Алма-Ата

Навевает покой и прохладу
Наступающей ночи дыханье,
Топольных стволов колоннада
Поднимается в гору. Стихает
Шум листья. И движенья, и речи
Словно смыслом наполнились новым...
Этот город предгорный отмечен
Светом приюта ночного.
И слонившийся к горным подножьям,
Осененный мерцающим снежным,
Спит как сабля, забытая в ножнах,
Под присмотром луны безмятежной.

Анне Пашментовой

Как там в Италии? Небось, уже весна –
На Форуме трава зазеленела...
А здесь природа все еще грустна
И пишет письма белым да на белом.
Вот разве день прибавился чуть-чуть,
И облака подвижней и рыклее –
Как будто небу хочется вздохнуть,
И, кажется, что в сверкике аллеи
Темнее стали. Месяц подожди,
Пусть полтора, но там уж без усилий
К нам доберутся теплые дожди
От парков виллы Дириа-Памфили.

Вечер: свет золотой и медовый –
Жаркий август в начале пути,
Но уже георгини готовы
Темно-красным огнем расцвести.
И горит гладиолус пламя
В палисаде под нашим окном –
Это лето останется с нами
Ослепительно-праздничным сном –
Императорским пыльным сияньем
Предосенних безбланных дней
И закатами в теплом тумане
Слишком рано зажженных огней...

Путешествия

Не была в Париже, зато мне знаком
Гель-Гью,
И не раз гостила в солнечном
Джиннистане,
На Буяне-острове, спрятанном в океане,
И с тобою как-то Аркадии на краю.

Чемодан мой весит меньше,
чем теплый снег,
Что роняет старый тополь тебе
под ноги,
Без агентств и виз открыты пути-
дороги,
И повсюду кров, и везде у меня ночлег.

Только вот магнит в подарок

не привезти,
Легче чудо-рыбку или перо жар-птицы,
Так скажи, какую хочешь ты небыллицу?
Тридцатье мне, конечно же, по пути.

Заброшенный дом

Недавно был живым, и окна золотились
Вечернею порой, и слышались из них
Мотивы, что еще родители крутили –
Дассен и Азнавур... Теперь же пуст
и тих...
Дух жизни отлетел, лишь скрип
оконной рамы
Здесь изредка звучит, когда ее норд-ост
Тревожит по ночам, и трещины –
как шрамы.
Но больше не болят. Грустнее,
чем погост
Дом-призрак, дом-чужак, тоскливо-
обреченный,
Мне жаль его до слез, но все ж,
когда снесут,
Я думаю, вздохну скорее облегченно
И буду представлять, что дальше
будет тут.
Какой построят дом – верней всего,
высотный,
Грубее, чем было, отправленный
на слом,
Но будет в нем тепло кому-то
и вольтотно,
И память будет жить, как лампа
за окном...

На Аптекарском острове

Двор-колодец и мостик над Карповкой
Часто вижу во сне до сих пор,
Монастырские черные маковки –
Иоанновский строгий собор.
А в другой стороне – ботанический –
Самый тихий из здешних садов,
Помнишь, бережно, по-ученически
Разбирали названья цветов
На табличках... Пусть в памяти
ветреной
Буквы сжались в неясный пиктир,
Вижу жимолость и рододендроны –
Экзотических зарослей мир,
Что теперь представляется сказкою –
Нежным солнцем рожденный Эдем,
Расцветавший поздними красками
Невесомых, как свет, хризантем.

Тимофею Сергеевичу

Гуляли в садах и на рынках Алжира...
Сны Африки, полные теплого света
И темного жара, как песня поэта,
Слова его слаще хурмы и инжира,
Сочнее даров безмятежного лета,
А он их бросает на ветер – транжира,
И ждет – из незримого тайного мира
Далькое эхо доставит ответы –
Ветвистые тени мелодий восточных,
И краски, что ярче персидских эмалей,
И образов вспышки, как выстрелы
точных.
Он смотрит и видит заветные дали,
И падает свет от луны полночной
С небес на ремни его старых сандалий...

Два всадника

Ты спишь еще, укутанный спокойным,
Неярким светом пасмурного дня,
Во сне не вспоминая про меня,

Не зная, что в ночи на подоконник
Лег первый снег, под утро поменяв
Все в городке вторженьем беззаконным.
Не только птицы – бронзовые кони,
И те его почувляли... Храпя
Величие, недвижим всадник Прозный –
Торжественной не изменяет позы,
Пусть крест и меч давно держать устал,
А чуть подальше скакуна над бедной
Взнуздал и держит хваткою железной
Судьбой не укрощенный генерал...

Утро. Аралии хрупкий букет
В вазе, наполненной влагой и светом,
Рамы распахнуты, сад вдалеке
Блещет в лучах. Наступление лета
Чувствует мир, как касанье руки –
Камни до самого сердца согреты,
Празднику солнечный день мотыльки,
Видится там, под деревьями где-то,
Старый гамак между крепких ракич,
Мяч полосатый под деревом спит,
Книжка забыта на лавке беспечно,
И на листьях ее рваная тень
Мягко колеблется – кажется день
Этот, как целая жизнь, бесконечным.

Город мой – неяркий, молчаливый –
Вечно небо хмурится дымами,
И склоняют клены сиротливо
Кроны над осевшими домами.
Доживают старые кварталы
Век свой, уходя в воспоминанья,
Жаль, что мы с тобой гуляем мало
Между этих сгорбившихся зданий.
Суета, привычные маршпутья,
Шум моторов – изредка, случайно
Выберешь свободную минуту,
Чтоб коснуться ласковой печали
Этих мест, оставленных успехом,
Позабытых веком электронным,
Чтоб расслышать гаснущее эхо
Прошлого в гуденьи монотонном...

Бухта Лигурии

Хочу туда, где пальмы и вода,
Где горы нависают над заливом,
Где в беспорядке легком и игривом
Скользят по волнам пестрые суда.
И города старинного уют...
Чужая жизнь – она как будто слаще,
И, кажется, в ней солнце светит чаще
И птицы утром радостней поют.
Но не уйти от собственных свобод,
От низкого тоскующего неба,
От тех, кто был с тобой, от тех, кто не был,
Но будет, в свой назначенный черед,
От серых дней, в которые лишь нам
Дано вносить порой частичку света,
Дарить друг другу в ожидании лета
Тепло ладоней с грустью пополам.

Этот старенький дом снова выдержал
долгую зиму,
Скоро нежный апрель и труба
перестанет дымиться,
И пуливые ласточки будут
пропархивать мимо
Светлых окон, чтоб в них хоть на миг
отразиться.
И покроются листьями эти деревья нагие,
Чьи тела от морозов безжалостных
оцепенеи,
И с тобою мы выйдем из дома
немного другие –
Будто плыли в Ковчеге, и вот –
наконец-то у цели.

Об авторе

Елена Ковалева (псевдоним Ляля Цылина) родилась в 1967 году, член Союза писателей России, доцент кафедры философии и культурологии ОГУ им. Тургенева. В 2017-м завоевала второе место в номинации «Лирика» национальной литературной премии «Поэт года». В марте этого года в Москве вышел сборник стихов «На краю Аркадии».